

СТОРОННИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

РАССКАЗЫ

АНАТОЛ
Вульф

Анатол Вульф Сторонние наблюдения (сборник)

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22489493
Сторонние наблюдения: Издать книгу; 2016*

Аннотация

Сборник «Сторонние наблюдения» представляет серию рассказов, отражающих иронический взгляд автора на некоторые аспекты жизни в Америке и в СССР, а также заметки о путешествиях в разные страны и другие развлекательные истории.

Содержание

Овсянка с привидениями	5
Париж	14
Боршт	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анатол Вульф

Сторонние наблюдения

Copyright Анатол Вульф (Anatol Woolf) 2016 г.

Овсянка с привидениями

Тщательно изучив книжку Рика Стива и составив серьёзный план всего путешествия, мы отправились посетить старушку Англию. Начали мы своё путешествие с Баса, где остановились в небольшом пансионе, о котором тот же Рик Стив отзывался очень высоко и хвалил изумительные вегетарианские обеды и завтраки, приготовленные самой хозяйкой. С туманом джетлага в головах мы прибыли туда спозаранку, комнаты наши были ещё не готовы. Поэтому ни о каких мягких подушках лучше было и не мечтать.

Сложив в прихожей наши громадные, американского калибра чемоданы с запасом вещей на две недели без стирки, мы отправились в город. Наши дети-подростки просто засыпали на ходу и, увидев первую же лужайку, растянулись на сочном английском газоне, забыв про всякий туризм. К обеду они всё же ожили, поскольку голод не тётка, и с удовольствием поглотили изысканные блюда, приготовленные хозяйкой пансиона.

С нами в столовой обедала ещё одна семья из Америки, тоже в составе папы, мамы и двух подростков. Они приехали в тот же день, но немного попозже. Мы перекинулись несколькими фразами и их папа, посетовав на джетлаг, гордо заявил, что взял машину в прокат и тут же, впервые в жизни, поехал по левой стороне дороги. Я осмелился его спросить,

зачем ему понадобилось идти на такой риск, учитывая ещё и его сонное состояние, в стране, где можно куда угодно без проблем доехать на поезде, автобусе, метро или, наконец, на вездесущих комфортабельных такси. Он посмотрел на меня как на идиота и скривился от одной только мысли, что ему пришлось бы ехать в общественном транспорте.

Наутро, выспавшись в уютных комнатках на удобных постелях и поев гречневых оладий, мы по-настоящему принялись за туризм. Посетили древние римские бани, взяли автобусную экскурсию и просто погуляли, обозревая замечательный старинный английский городок.

После двух насыщенных впечатлениями дней, проведенных в Басе, наш путь лежал в Лондон. Следуя совету того же Рика Стива, мы заранее послали письмо с запросом на посещение церемонии закрывания Лондонской Башни и к назначенному времени прибыли к её воротам. Разряженный бифитер проверил наши имена в списке посетителей на сегодняшний день и позволил нам пройти внутрь крепости, где уже собрались ожидающие интересного зрелища туристы. С наступлением сумерек нашу группу построил другой бифитер, откровенно предложив всем коротышкам выйти вперед, а дылдам остаться сзади, дабы всем всё было видно.

Ровно в 21:53 из башни «Wyward» вышел Хранитель ключей, облаченный в костюм эпохи династии Тюдоров, а навстречу ему проследовала Охрана ключей. Заперев Главные ворота, охрана подошла к «Кровавой Башне».

– Стой, кто идет! – прокричал Хранитель ключей.

– Её величества королевы Елизаветы Охрана ключей! – ответили ему.

Хранитель забрал ключи, и все хором произнесли: «Боже, храни королеву Елизавету!»

Очень романтичный и красивый обычай. Некоторые туристы справедливо заволновались, как теперь из крепости выйти, если она заперта. Бифитер в ответ злорадно похихикал и съязвил, что не всем удастся сегодня отсюда уйти. Туристы явно занервничали, вспомнив, вероятно, легенды о разгуливающих в крепости привидениях. Говорят, что по ночам здесь видели Анну Болейн с отрубленной головой, короля Георга II, убитых двенадцатилетнего короля Эдуарда V и его девятилетнего брата Ричарда. Но, слава богу, всех выпустили через боковой выход, и всё кончилось хорошо.

Вдоволь насладившись Лондоном и его музеями, мы сели на поезд и отправились в Йорк. Старинные улочки этого города навевали мысли о привидениях и нечистой силе. Англичане вообще обожают всякие ужасы. В их музеях вы можете увидеть полный спектр изощренных пыток, например, очень натурально сделанную крысу, заточенную в клетку на животе у очень реалистично сделанного человека, выедающую его очень убедительно сделанные внутренности. Или целая диорама, посвященная Парижской Коммуне, – здесь под звуки Марсельезы вам продемонстрируют непрерывное отсечение голов гильотиной с брызгами крови, стонами умира-

ющих и катящимися, как мячики, отсеченными головами. Затем вы можете насладиться видом умирающих в муках от чумы людей, а сердобольный гид, сам с видом зачумленного, ещё и расскажет в подробностях, как вы будете блевать и погибаться,хвати вас эта зараза.

Насмотревшись всего этого великолепия, к вечеру настанет пора встретиться и с привидениями. Тут тоже полнейшее изобилие. Выбор экскурсий с привидениями превосходит все ожидания, и мы решили этим воспользоваться.

Человек в черном плаще с котелком на голове и кожаным саквояжем в руках встретил толпу жаждущих острых ощущений туристов. Он поставил на тротуар трехступенчатую стремянку, взобрался на неё и громогласно произнес: «Достопочтенная публика! Сейчас я проведу вас по местам, где вы сможете повстречаться с усопшими людьми, и от ужаса у вас волосы встанут дыбом. А вот вы, да-да... вы, – он показал пальцем на высокого парня в толпе, – вы со страху просто обмочитесь. Теперь, – он поднял вверх указательный палец, – мы подходим к самому главному моменту нашего путешествия – к деньгам!» С этими словами человек в котелке резко открыл свой саквояж, предлагая всем положить туда свои денежки. За считанные секунды чемоданчик наполнился доверху.

Затем он повел нас по мрачным улочкам, рассказывая ужасные истории, и в кульминационный момент своего рассказа, выхватив нож, резанул себе запястье, из которого

обильно хлынула кровь. Толпа ахнула, не сразу сообразив, что это лишь театральный трюк с применением специально-го ножа с убирающимся внутрь лезвием и брызгающей бутафорской кровью.

Многие туристы поспешили, конечно, снять весь спектакль на видео. Наш актёр обратился к одному из них: «Как вас зовут?»

– Майк, – ответил тот.

– Вы откуда?

– Из Соединенных Штатов.

– Какой номер?

Толпа загоготала.

– Из Бостона, – робко уточнил Майк, продолжая при этом снимать.

– Вот это я хочу передать друзьям Майка в Бостоне, – продолжал наш гид, – которые будут смотреть ещё один из его ужасно занудных любительских фильмов...

Тут он резко поднял вверх средний палец правой руки и сунул его почти в самый объектив видеокамеры. Ликованию толпы не было предела.

Проехав на поезде пару часов к северу, мы оказались теперь в Шотландии, в Эдинбурге. Прокопчённый готический Эдинбург превратился в эти длинные августовские дни в ярмарку театрально-цирковой жизни. Мы угодили туда как раз на Эдинбургский фестиваль. По городу расхаживали разряженные процессии театральных трупп, съехавшиеся со всего

мира, они зазывали публику на свои спектакли. Жонглёры, шпагоглотатели и гимнасты развлекали праздно разгуливающих туристов, облаченные в шотландские юбочки трубачи раздували свои трубы, пианист за белым роялем прямо на площади лихо играл мелодию «Хей, Джуд».

С трудом затащив наши чемоданища на третий этаж пансиона, где мы остановились, и удобно разместившись в своих комнатах, мы провалились в глубокий сон. Утром в гостиной нас ожидал завтрак. Хозяйка поинтересовалась, предпочитаем ли мы чай или кофе и не желаем ли поесть овсянки. Я всегда мечтал поесть шотландской овсянки. Как замечательно звучала фраза в фильме «Приключения Шерлока Холмса: Собака Баскервилей», произнесённая Бэрримором: «Овсянка, сэр!»

Конечно, конечно, мы обязательно должны были отведать этот удивительный шотландский порридж. Через несколько минут перед нами уже стояли мисочки с горячей кашей, и, зажмурившись от предвкушения чего-то необычайного, я зачерпнул ложкой и впервые в жизни отведал это удивительное варево. Увы, на вкус это был настоящий клейстер, и водянистая структура каши, и её цвет внешне тоже напоминали средство для наклейки обоев. Ни в какое сравнение эта бурда не шла с той ароматной кашкой, которую варила моя бабушка, по-русски, на молочке, с сахарком и солью и с обязательным добавлением в тарелку кусочка сливочного масла.

Съев для приличия по паре ложек, мы оставили наши

тарелки и попросили принести нам вареные яйца.

После этого случая я был совершенно уверен, что хуже сварить овсянку просто невозможно. Но я ошибся. Спустя некоторое время я имел неосторожность заказать себе на завтрак овсяную кашу в Сан-Франциско и могу с полной ответственностью заявить, что она была еще хуже, чем шотландская. Думаю, что варивший её повар, скорее всего, долгое время стажировался в Алькатрасе¹, пока его не закрыли, и там научился варить эту жуткую баланду. Как ни старался я улучшить её вкус, сколько ни добавлял туда сахар, соль, клюкву, изюм, молоко, – ощущение, что ешь что-то несъедобное, никуда не исчезало.

Вечером мы отправились в театр, точнее, в церковь, поскольку в дни фестиваля в Эдинбурге почти всё превращалось в театральные площадки.

Группа молодых актеров из Петербурга показывала спектакль «Страна дураков». В полукруглом зале старинной церкви зрители расселись маленькими группками, большинство мест пустовало. Спектакль играли на русском языке под вымученный перевод девицы, сидящей на стуле на краю сцены. Некоторые ремарки она переводила неточно, искажая смысл сказанного, а иногда и вообще помалкивала в тряпочку. Мы очень скоро заметили, что, кроме нас четверых, никто не смеется, хотя юмора там было хоть отбавляй. Нам да-

¹ Алькатрас – знаменитая тюрьма на острове близ Сан-Франциско, теперь превращенная в музей.

же обидно стало за актёров, чьё искусство не вызывало должной реакции, и в конце концов мы стали помогать переводчице, чье знание английского явно оставляло желать лучшего. Зал заметно повеселел, но от души всё равно смеялись только мы, улавливающие весь смак русского юмора.

На следующий день, вдоволь насмотревшись уличных представлений, уже к вечеру мы подошли к зданию, весь фасад которого был обклеен яркими заплатами афиш. Несколько комедиантов прямо у входа раздавали билетки на свои представления бесплатно. К нам подошел высокий парень (хотя скорее его можно было назвать молодым человеком, ему явно было за тридцать) и предложил посетить его шоу, которое начиналось через пару минут.

Зал оказался маленькой комнаткой, задрапированной чёрными занавесками. Зрителей собралось немного, но они заняли почти все немногочисленные стулья. Явно никто тут не ожидал большого наплыва зрителей. Театр одного актёра – так наилучшим образом можно было охарактеризовать получасовое представление, показанное нам комедиантом, которому нельзя было отказать в тонком чувстве юмора. Однако на сей раз речь шла в основном про Америку, так как англичанин-комедиант жил за океаном и вдохновлялся именно там, и во всём зале, опять же, смеялись только мы. Переводить, правда, ничего не пришлось, но своим энтузиазмом мы явно спасли его выступление. Оно действительно было очень талантливым, жаль только, что остальной публике все

эти точные наблюдения за американской действительностью были до лампочки.

Воспоминания об этой поездке часто наводят меня на мысль, что Великобритания была и остаётся страной актерского мастерства. Просто гуляя по улицам, вы всегда натолкнетесь здесь на людей с врождённым актерским талантом. Гид, сопровождающий речную экскурсию по Темзе, будет с таким мастерством импровизатора рассказывать всевозможные байки, что вы будете недоумевать, что он вообще здесь делает, когда его место на сцене. Иной официант неожиданно удивит смешным инсценированным рассказом, чем натолкнет на мысль, что он, вероятно, профессиональный актёр, а тут только подрабатывает. И, может быть, очень часто оно так и есть, ведь актёрам нужен постоянный заработок и они подрабатывают кто официантом, кто гидом, кто зазывалой, а кто и продавцом в магазине. Но тогда получается, что в Британии чуть ли не треть жителей актёры? Думаю, у них это просто в крови, вероятно, от Шекспира. Но кашу овсяную они всё-таки варить не умеют.

Париж

Я всегда мечтал побывать в Париже. Как всякий русский, начитавшийся Виктора Гюго, Бальзака и Золя и преклоняющийся перед утонченной французской культурой с ее изысканной едой, стильной одеждой, ее фильмами с очаровательными полуобнаженными, а если повезет и советская цензура не вырежет, то и совсем обнаженными крепкотелыми девицами, красавцами Аленом Делонем и Жаном Маре и с детства всеми любимыми Жаном Габеном, Жаном Полем Бельмондо и Луи де Фюнесом, я стремился туда попасть. Как грезил я в серые советские времена уютными уличными кафе, где я, казалось, мог бы просидеть вечность за чашечкой крепкого кофе, впитывая в себя очарование парижской жизни! Но, увы, в советское время в Париж нам только хотелось, реально могли там побывать Зорин и Боровик.

И вот мой час настал, с паспортом гражданина США я приземлился в аэропорту Шарль-де-Голль. В состоянии, близком к эйфории, я гулял по Парижу и, чтобы убедиться, что это не сон, периодически пощипывал себя. Первым делом я, конечно, отправился на Монмартр. Шарманщик-шансонье лихо крутил свою ручку и пел не хуже Азнавура, а по соседству с ним человек с внешностью Джона Сильвера, только не с деревянной ногой, а на электрической коляске, крутил из проволоки детские игрушки и хриплым голосом

объяснял собравшимся вокруг него детишкам процесс изготовления. Затем он раздал им законченные игрушки и собрал с родителей по три франка, погрозив мне при этом кровавым пальцем, вероятно, укоряя меня в назойливости, дескать: либо плати, либо вали отсюда, нечего тарашиться! Я отдал ему три франка и пошел дальше. На моем пути пару мимов выделявали довольно интересные номера, и я положил в их картузы и береты тоже по несколько франков.

Далее мне все чаще стали попадаться нахальные художники с планшетами наперевес, они не просто предлагали свои услуги, а начинали рисовать мой портрет издали, так что, поравнявшись с ними, я получал уже законченный портрет, а мой кошелек терял еще двадцать франков. На уютной старинной площади, окруженной сплошным рядом уличных кафе, плотным табором расположились художники помастее, с привилегией на место. На этюдниках и мольбертах они расставили свои работы – в основном ширпотреб. Бесконечно повторяющиеся картинки, рассчитанные на резкое выделение слюны у незадачливых туристов, готовых с радостью отдать свои деньги за возможность блеснуть перед друзьями в каком-нибудь Айдахо картиной французского художника из Парижа. Лавируя между этими передвижными ателье на пленэре, я порядком подустал от ярко кричащей безвкусицы и вдруг заметил нечто резко отличающееся от всего остального.

Это была даже не живопись в чистом виде, а подкрашен-

ная лепнина на холстах или картонках. За мольбертом сидел молодой человек в красной куртке с длинными, закрученными на затылке в косичку волосами. Он, казалось, был сильно увлечен своим делом. Внимательно рассматривая его работы, я, непроизвольно обращаясь к самому себе, произнес по-русски: «Интересно, из чего это сделано?» Тут же, не поворачивая головы, художник так же по-русски процедил сквозь зубы: «Да из говна!»

Удовлетворенный ответом, я пошел дальше, по витиеватой улочке, вымощенной булыжником. Мой взгляд остановился на старинной деревянной двери, ведущей во дворик. На двери красовались корявые надписи, оставленные туристами, мечтающими увековечить свой визит на Монмартр.

Среди них выделялись вырезанные с особым нажимом: «Артур из Киева» и «Машка-милиция». Почему эта Машка решила отождествить себя с милицией, навсегда осталось для меня загадкой.

На ланч я остановился в приятном и навевающем романтические грезы кафе. Заказав себе сэндвич на багете, отправился в туалет. И вот тут я обомлел: в туалете, совсем как на советском полустанке, красовалась дырка в полу с двумя металлическими педалями в форме ног по бокам. Правда, в отличие от советского собрата, тут пахло не парашей, а ароматизатором и посетители туалета явно точнее попадали в отверстие, так как вокруг него было чисто.

Покончив с ланчем, я постоял в раздумье возле знамени-

того кабаре Au Lapin Agile, где бывали Пикассо, Модильяни, Аполлинер и Утрилло, а затем отправился вниз по длинной лестнице на Rue Foyatier. В самом низу, возле металлической ограды, сидел бомж, а перед ним полуденным пикником на развернутой газете красовались нарезанная вареная колбаса, очень похожая на докторскую, уже откусанный багет и бутылка вина. Бомж налил дрожащей от похмелья рукой вино в пластиковый стаканчик и с явным удовольствием отпил оживляющую влагу.

Вскоре я оказался возле Сены. Здесь вдоль набережной расположились очаровательные лавочки, полные всякой всячиной из прошлой жизни. Я долго разглядывал старинные плакаты, диски, журналы и массу старых, забытых и вышедших из употребления вещей. Теперь они могли служить прекрасными сувенирами, несущими куда более сильный эмоциональный заряд, чем металлические брелки в виде Эйфелевой башни.

На противоположной стороне, как оказалось совсем не широкой, болотно-зеленой Сены группа бомжей распивала свой аперитив. Один из них повернулся к реке, расстегнул ширинку и, при ярком полуденном свете, на виду у толпы проходящих вдоль набережной туристов, принялся мощной струей добавлять желтизны и вони в и без того уже засранную воду.

С величайшим удовольствием я посидел на скамейке возле Собора Парижской Богоматери, представляя себе, что из

него вдруг выйдет горбун Квазимодо или пройдет передо мной красавица Эсмеральда. И даже голуби, порхающие перед собором, казались мне не такими, как в других городах, как будто они сами являлись частью этой истории.

На другой день я побывал в Лувре, затем съездил в Версаль, посетил Центр Жоржа Помпиду, походил по местам Пабло Пикассо и вдоволь посидел в уличных кафешках, окунаясь в местную атмосферу.

И когда мой самолет стал набирать высоту, стремительно унося меня обратно домой, в Америку, оставляя за иллюминатором быстро удаляющийся Париж, я уже опять тосковал о нем, а в голове звучали слова из песни Высоцкого: «В общественном парижском туалете есть надписи на русском языке!»

Боршт

За тридцать лет жизни в Америке я так и не смог понять почему американцы произносят борщ как «боршт». Вероятно, кому-то пришло в голову, что русская буква “щ” будет звучать в английском наиболее близко к ее нормальному русскому произношению, если ее изобразить сочетанием букв “sch”. Таким образом получился borscht. Если к этому боршту прибавить еще и бабу’шку, обозначающую не старушку, а только платочек, как неизменный атрибут одежды русских бабулек, то мы начнем понимать, как представляют себе русскую культуру средние американцы. И уж конечно никак нельзя не упомянуть “русский рулет”, о котором я ни разу не слышал, пока не приехал в Соединенные Штаты. Впервые услышав название Russian roulette, я естественно представил себе любимый мной с детства маковый пирог. Каково же было мое удивление, когда мне объяснили, что Russian roulette – это смертельная игра с заряженным одной пулей револьвером!

В освоении английского языка мне очень помогал телевизор. Первые пару лет в Америке я от него просто не отходил. Смотрел все подряд, пытаюсь уловить смысл и набраться полезных для новой жизни выражений. Пересмотрел совершенно невероятное количество фильмов, благо, они демонстрировались круглосуточно. И всякий раз, когда в этих

фильмах показывали русских, я ничего не мог понять в их птичьем языке и узнавал о смысле сказанного только из английских субтитров. Неужели, думал я, в стране, куда переехали сотни тысяч русских, не нашлось хотя бы завалященького русского актера или просто человека, говорящего на нормальном русском языке? Также меня поразило, что во всех американских фильмах иностранцы изображались иммигрантами. Даже если это была экранизация, например, «Преступления и наказания» Достоевского и, соответственно, действие происходило в Санкт-Петербурге, где герои должны были общаться друг с другом на предполагаемом родном им русском, они все говорили по-английски с деланным русским акцентом. От этого создавалось полное ощущение, что все герои этой всемирно известной трагедии, что называется, *fresh off the boat* (только что сошедшие с корабля) иммигранты. К несчастью, это правило и по сей день неизменно применяется в американском кинематографе. Французы, разгуливая по Елисейским полям у себя дома в Париже, почему-то воркуют друг с другом на сюсюкающем английском. Немцы в Берлине тарабанят друг друга рубленными, как из гранита, английскими фразами, а итальянцы в Палермо заканчивают каждое английское слово с лишней гласной на конце.

Нашумевший в свое время *Спутник*, удачно заброшенный из СССР в космос, очевидно, из конкурентных соображений, стал неизменно называться в Америке *Спатником*. Хотя

любой, никогда не изучавший никакого иностранного языка американец спокойно мог бы произнести это слово правильно. Это вам не букву «ы» выbleвать.

Давным-давно, еще в советские восьмидесятые годы, приехал к нам как-то в гости изучающий русский язык студент из Принстона. Притащил нам сумку с подарками от родственников из Америки. Мы его, конечно, окружили заботой, повели по музеям, показали Питер, пригласили на дачу. Вечером сели пить чай, он и спрашивает: «Дайте, пожалуйста, кипячок». Мы переглянулись, – «Что это такое?» – спрашиваем.

– Это варёная вода, – отвечает он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.